

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2023, Том 14, № 4 / 2023, Vol. 14, Iss. 4 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2023.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/65FLSK423.pdf>

5.9.6. Языки народов зарубежных стран (японский язык) (филологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Стрижак, У. П. Когнитивные основания лексического выбора: семантическое и синтаксическое представление понятия «любовь» в японском языке (опыт корпусного исследования) / У. П. Стрижак // Мир науки.

Социология, филология, культурология. — 2023. — Т. 14. — № 4. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/65FLSK423.pdf>

For citation:

Strizhak U.P. Cognitive basis of lexical choice: semantic and syntactic representation of the concept «love» in Japanese (corpus-based study). *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2023; 14(4): 65FLSK423. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/65FLSK423.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.)

УДК 811.521+811.36

Стрижак Ульяна Петровна

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Доцент, академический руководитель образовательной программы «Востоковедение»

Кандидат педагогических наук, доцент

E-mail: ustrizhak@hse.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4129-4485>

Когнитивные основания лексического выбора: семантическое и синтаксическое представление понятия «любовь» в японском языке (опыт корпусного исследования)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности семантического и синтаксического представления понятия «любовь» в японском языке. С помощью методов лексикографического и корпусного анализа, а также расширенного контекстного анализа корпусных вхождений уточняется и дополняется семная структура нескольких ядерных единиц рассматриваемого семантического поля. Результаты анализа обобщенного типизированного лингвистического опыта носителей японского языка помогают определить их устойчивые когнитивные предпочтения при выборе слов, связанных с понятием «любовь». Работа выполнена на материале нескольких корпусов, в том числе с использованием данных авторского параллельного русско-японского корпуса художественных произведений, в котором задокументированы и синтаксически размечены оригинальные предложения, отобранные методом сплошной выборки из четырнадцати русских литературных текстов и их японские корреляты. В ходе исследования выявляются три основные семантические доминанты, характеризующие различные лексемы, входящие в семантическое поле «любовь»: противопоставление духовной и телесной составляющих; разная степень выраженности физического и эмоционального воздействия на участников ситуации; наличие или отсутствие в семной структуре лексем негативной коннотации. В практической части работы с помощью корпусных методов исследования уточняется, как именно выделенные семантические характеристики влияют на распределение актантных ролей и определяют особенности функционирования лексем со значением «любовь» в оригинальных и переводных японских текстах. Помимо этого в работе анализируются случаи занятия лексемами со значением «любовь» субъектной позиции в составе бенефактивных конструкций, а также затрагивается вопрос о возможности гендерного анализа параллельных русско-японских текстов.

Ключевые слова: семантика; синтактика; любовь; японский язык; когнитивное основание; параллельный корпус

Введение

Значимость изучения особенностей отображения чувств и эмоций в разных языках подтверждается ее междисциплинарным характером.

Предметом активного изучения целого ряда наук наиболее сложным и многогранным понятием является такое чувство, как любовь, которое имеет разноплановое семантическое и синтаксическое представление в различных лингвокультурах.

Н.Д. Арутюнова в описании любви в контексте социооценочных концептов, регулирующих взаимодействие человека с Другим, обращается к древнегреческой философии, сумевшей выделить среди множества несущих любовью смыслов её основные четыре разновидности, которые были зафиксированы греческим языком: любовь-страсть *ερος*, любовь-уважение *στοργή*, любовь к ближнему *αγάπη* и любовь к другу *φιλία* [1]. В японском же языке разделяются два основных понятия, имеющие разное семантическое наполнение, которое, в свою очередь, обуславливает разность синтаксического оформления высказывания с лексемами «любовь».

В целом японский язык достаточно подробно дифференцирует проявление психоэмоциональной сферы человеческой деятельности; Х. Киндайти отмечает, что языковые единицы, обозначающие чувства и эмоции, имеют много оттенков, обозначая их как *specificnarrowmeaning* ‘конкретный узкий смысл’ или *delicateshadesofmeaning* ‘тонкие оттенки значения’ [2]. Так, существует несколько основных японских лексем со значением «любовь», которые различаются по интенсивности и природе ощущаемого и/или выражаемого чувства: *ai*, *koi*, *рэнъаи* как композит, сочетающий эти две лексемы, лексема с наиболее широкой семантикой *суки* и заимствование *рабу*. В качестве базовых лексем можно выделить первые две — *ai* и *koi*, семантическая структура складывалась постепенно в ходе исторического развития японского общества еще с древних времен, когда понятие *ai* акцентировало заботу и сильную привязанность, а *koi* — притяжение между людьми. В период распространения христианства в Японии в XVI веке была затруднена передача термина «любовь» средствами японского языка, т. к. толкование используемого в христианских текстах слова *аганэ* как любви к ближнему и Богу входило в противоречие с существующими на то время словами. Лексема *ai* толковалась в то время или в рамках конфуцианства как родительская любовь, или в рамках буддизма как излишне проявляемые чувства, лишаящие человека надежды на очищение — это слово использовалось в буддистских текстах для обозначения вожделения и сильных привязанностей как негативных жизненных проявлений, затрудняющих путь к истинному просветлению, которые *пожирали* (*мусабору*) и *привязывали* (*сю:тяку суру*). В результате в ходе поисков наиболее подходящего понятия в японском языке для обозначения библейского понятия *аганэ* ‘любовь к Богу и ближнему’ было выбрано слово *го-тайсэцу* ‘беречь, заботиться’, что соответствует понятиям японцев о такого рода любви — истинном терпении, сострадании, вере.¹ В середине периода Мэйдзи слово *ai* было принято и в качестве аналога заимствованных понятий из европейских языков, например, *lovelieben*, и в результате его ассоциации с западным словом *любовь* оно стало использоваться для выражения привязанности к людям как к равным,

¹ Ср.: Н.Д. Арутюнова указывает, что *аганэ* как любовь к ближнему и *филия* как любовь к другу сыграли большую роль в становлении христианской антропологии, тем самым четко очерчивая концептуальное поле, изначально выражаемое этими понятиями, в европейских языках [1].

обозначая сильную привязанность к партнеру, выражаемую в том числе через *итавари* — ‘забота утешение, ухаживание’.

Также можно проследить и трансформацию актантного оформления данных лексем: Х. Яманэ, который в поисках истоков современного понимания понятия *любовь* приводит определение *кои* и *аи* из «Словаря древнего языка», где в основе *кои* лежит идея *ми мо кимоти мо хикарэру*, т. е., ‘идея притяжения как физического, так и эмоционального’, подчеркивает, что падежное оформление данного актанта прошло эволюцию от дативного *нихикарэру* до аккумулятивного *о хикарэру* в эпоху Хэйан, что было обусловлено изменением самой сути понятия: не ‘быть притянутой чьей-то любовью’, а *кои о мотомэру* — ‘просить, хотеть, искать, требовать любви’ [3].

Ю. Сатов при описании разницы в японском восприятии этих двух слов отмечает, что понятие *кои* является более простым для понимания, т. к. обозначает процесс возникновения притяжения между двумя конкретными людьми и их сближения; в противовес этому круг адресатов *аи* более широк: в него входят родители, дети, родственники, животные и т. д. Помимо этого, в семантике *кои* сильна эгоцентрическая составляющая, выражаемая через стремление к присвоению, себялюбию и осознанию собственной исключительности, что резко контрастирует с пониманием *аи* как безусловной любви, способной к самопожертвованию [4]. При этом в языковом представлении данные понятия четко не разграничены и смешиваются в том числе со смежными терминами, перечисленными выше. Иногда эти две лексемы встречаются в одном контексте, который в таком случае дифференцирует любовь, выражаемую *аи*, как общее стремление быть любимым, и чувства влюбленного человека, которые вербализуются как *кои* с задействованием телесной, соматической составляющей: *мэдзаси дэ вакару* ‘понять по взгляду’: *Аи сарэн кото о нэцубо: суру моно да кара, хито ва аи сарэтэ иру бааи сузу ни сорэ ни кидзуку. Кои суру хито но мэдзаси дэ сорэ то вакару но да* → *Люди жаждут быть любимыми, поэтому, когда их любят, они сразу это замечают. Это можно определить по взгляду влюбленного человека.* Х. Суэмацу в [5] приводит этот пример в качестве художественного приема как «вспышку контраста, организующую текст».

В японском исследовании, описывающем «язык чувств влюбленных», С.К. Майnard приводит многочисленные примеры высказываний персонажей японских современных фильмов, вербализующих осознание любви, сближения влюбленных, их признаний, причем все подзаголовки разделов данной работы содержат лексему *кои*: *кои но ёкан* — ‘предчувствие любви’, *кои но исики* — ‘осознание любви’, *кои но рэкиси* — ‘история любви’, *кои но икиката* — ‘путь любви’ и др.; но в диалогических и монологических текстах персонажей постоянно встречается переключение между всеми указанными выше лексемами от традиционных, издавна существующих в японском языке слов *аи* и *кои*, до современного, постепенно входящего в японский язык под воздействием западной культуры, заимствования *рабу* (от англ. love). Интересны контексты, обуславливающие такое переключение, например, в описании быстрого сближения между влюбленными герой уточняет, что наша *кои* могла бы быть *аи*, «если бы мы не просто сразу начали вместе жить, а еще и однажды расстались — тогда это была бы история, тогда это была бы аи» [6, с. 199]. В указанной работе рассматриваются случаи сближения, которые сопровождаются дистанцированием — парадоксальным для европейского зрителя, но естественным для японского; нестандартные смешанные употребления лексем *суки* со значением «симпатия, интерес, зарождающееся чувство» и не всегда четко идентифицируемая точка перехода к *аи* как к начальной стадии любви демонстрируют некоторую размытость семантического поля «любовь» в японском языке. В связи с этим целью данной работы будет уточнение и систематизация особенностей функционирования основных лексем данного поля с помощью лексикографического и корпусного методов анализа языковых данных.

Материал и методы исследования

В теоретической части работы с помощью лексикографического метода лингвистического анализа были рассмотрены различные варианты репрезентации японских лексем со значением «любовь» (двух основных и несколько смежных) на материале более 150 словарей, информация из которых собрана в японском лексикографическом агрегаторе Kotobank; в ходе исследования предполагается систематизировать отобранный языковой материал, выявить его особенности с помощью приемов изучения словарных статей и дефинирования, и изучить особенности его функционирования в японском языке. Языковым материалом для корпусного исследования послужил веб-корпус Tsukuba (TWC), разработанный совместно Национальным институтом японского языка и лингвистики (NINJAL) и Институтом языка Лаго (NINJAL-LWP for Tsukuba Web Corpus, общий объем исследуемого материала составил 136 610 употреблений), а также авторский параллельный русско-японский корпус художественных произведений, в котором задокументированы и синтаксически размечены предложения, отобранные методом сплошной выборки из 14 русских литературных текстов и их японские корреляты, от одного до шести на каждую исходную единицу (25 переводчиков с русского на японский язык, всего 3 749 примеров, хронологический охват переведенного материала — более 100 лет, с 1913 по 2021 гг.). В использовании параллельного корпуса мы опираемся на теоретико-методологические положения о значительном эпистемологическом потенциале переводных текстов: так, У.П. Стрижак указывает, что параллельный корпусный материал является «уникальной совокупностью аутентичных контекстов, точки асимметрии в которых при комплексном рассмотрении могут послужить ориентирами в процессе познания переводящего языка» [7, с. 98]. Критерием отбора стало употребление японских лексем со значением «любовь» на субъектной позиции, а также на позиции прямого и непрямого объектов с разными семантическими ролями. Примеры корпусных вхождений были использованы как для количественного анализа данных, так и для подтверждения или опровержения результатов лексикографического исследования с помощью контекстного анализа.

Лексикографическое представление японских лексем со значением «любовь»

Большой словарь японского языка Дайдзитэн² дает восемь основных определений лексемы *aiso* значением «любовь»: (1) родственная любовь, отношения с друзьями: родители, дети, братья, сестры с ключевыми словами: *каваигару* — ‘баловать, любить’; *ицукусиму* — ‘сострадание, милосердие’; *итоосиму* — ‘жалеть’; (2) в буддизме одна из двенадцати привязанностей, обозначающая излишнюю страсть и плотские желания: *мусабору* — ‘пожирать’; *сю:тяку суру* — ‘привязываться к чему-либо’; (3) любовь и забота по отношению к детям: *каваигару*, *айбу суру*, *аясу* — ‘баловать, ласкать’; (4) любовь к вещам, наслаждение их красотой, изяществом и другими свойствами: *тайсэцу ни омоу* — ‘ценить’, *хидзо: суру* — ‘беречь как сокровище’, *айган суру* — ‘увлекаться, пристрастно относиться’; (5) привлекательная внешность и обходительное поведение: *айкё* — ‘обаяние и любезность’; (6) взаимоотношения с людьми: *aiso* — ‘жалость и сочувствие’; (7) божественная бесконечная любовь *аганэ*: *мугэн но дзихи* — ‘беспредельное милосердие’; (8) близкие отношения с другим полом восхищение: *ситавасику омоу* — ‘тосковать’, *рэнъаи* — ‘любовные отношения, ощущение заботы о человеке как объекте сексуальной любви’.

В расширенных дефинициях из этого и других словарей значение слова *ai* конкретизируется, появляются дополнительные семы; таким образом, обобщенный анализ нескольких словарей в лексикографическом агрегаторе Kotobank показал, что в качестве

² Все словарные дефиниции приведены по данным лексикографического агрегатора <https://kotobank.jp>.

ядерной семы значения слова *ai* можно выделить такие признаки, как привязанность, ласка, забота, что результируется в понимании любви в общечеловеческом смысле, выражаемой, например, ласковыми прикосновениями (первыми примерами в словарных статьях являются: *успокоить младенца, погладить собаку по холке, ветер ласково коснулся щек, окутать слабого человека любовью и заботой* и т. д.). В ближнюю периферию входят семы доброты, сострадания, наслаждения красотой, и только дальняя периферия представлена семами 'любовные отношения', 'роман'. Во всех случаях подчеркивается глубина любовного ощущения в сердце человека и бескорыстность данного чувства, которое не требует ответа, а фокусируется только на предмете любви.

Значения слова *koi* там же представлены в меньшем количестве и распределяются следующим образом: (1) тоска и бережное отношение к людям, земле, растениям, временам года и т. д. с ключевым словом *омоиситау* — 'тосковать'; (2) особая любовь, восхищение и влечение к лицу противоположного пола (иногда того же пола): *koi o suru* — 'быть влюбленным'; в том числе, достаточно распространенным значением является *koi* как предмет любовной лирики с типичными для любовной поэтики выражениями: *рэнъаи но кандзэ* — 'романтические чувства', *вага дзэ:фу/кохиу* — 'моя любовница/любовник' и т. д.

В расширенных дефинициях из этого и других словарей значение слова *koi* также уточняется и конкретизируется; например, глагол *ситау* — 'тосковать, скучать', который встречается и в описании *ai* (но за пределами ядра семантического поля), в описании *koi* является одним из ключевых и зачастую дополняется вторым композитом в составе сложного глагола: *омоиситау* — 'думать и тосковать' или *ситаикогарэру* — 'страстно томиться, сгорать от тоски'; адъективная форма *коисий* также часто входит в состав сложных глаголов: *коисикараму* включает сему навязывания тесного контакта, репрезентируемую глаголом *караму* — 'привязаться, обвиться', 'не отпускать' (любимого человека); а также входит в состав устойчивых выражений, обозначающих сложность или невыносимость чувства: *коисикутэ тамаранай* — 'нестерпимо люблю', *коисикутэ таэрарэнай* — 'невыносимо скучаю'; такие же сложные выражения образуются и с другими похожими по значению лексемами, например, *ситавасий* — 'дорогой, любимый': *ситавадуктэ дзитто ситэ ирарэнай кимоти* 'чувство, когда не можешь усидеть на месте, так сильно скучаешь' и т. д. В целом видно, что субъектами и объектами любви в рамках понятия *koi* являются мужчина и женщина (с недавних пор в словарных статьях стала появляться пометка *может использоваться также по отношению к представителю своего пола*); таким образом, выраженной ядерной семой данного понятия является сема романтической любви, сексуальных предпочтений и чувственного времяпрепровождения. Ближнюю периферию понятия *koi* составляют семы влечения и восхищения; дальняя периферия выражена семами бережного отношения за пределами романтической связи.

Показательно, что с помощью семного анализа обнаруживается особый смысловой акцент на болезненности чувства *koi* или его невозможности в силу различных причин: общение на расстоянии, которое является преградой, иногда воображаемой или невидимой; несчастная любовь, безответное чувство и т. д. Такая отрицательная коннотация подчеркивается и соответствующими примерами в словарных статьях: *прилив любви, которая уже прошла, история тяжелая, как любовь, чувство невыразимой грусти* и т. д. С точки зрения морфологических характеристик языковых единиц, составляющих словарное описание лексемы *koi*, заслуживает внимания тот факт, что в словарных дефинициях *koi* встречаются: форма страдательного залога, например, самый частотный предикат в пассивной форме *хикарэру* — 'быть притянутым', что подчеркивает силу внешнего фактора и неспособность к сопротивлению в контексте страстной любви; а также дезидеративные конструкции, например, *сэсситай* — 'хочу соприкоснуться'. Это контрастирует с описанием понятия *ai* — любви, для которой, как было сказано выше, достаточно субъекта — носителя чувства; любовь,

обозначаемая *ai*, может существовать вне зависимости от реакции партнера, она *муссе* — ‘безвозмездна’ и не требует сближения, допускает односторонне направленное чувство и не ждет ответа.

С помощью количественных методов анализа корпусных данных в рамках исследования была подсчитана частотность всех слов, встреченных в словарных описаниях. Оказалось, что для понятия *ai* самыми частотными словами или словосочетаниями стали: *Бог, сострадание и жалость, дружба и привязанность, родители и дети, друг, родство*; а в описании *кои* ключевыми словами являются: чувство, восхищение, пол, влечение.

С точки зрения обнаруженных различий показательна и структура словарных описаний двух понятий в Большом словаре-тезаурусе японского языка [8]. Лексема *ai* входит в несколько рубрик: «Основные чувства» (куда не входит *кои*), «Мораль» (здесь любовь *ai* встроена в один ассоциативный ряд с уважением). Основная словарная статья *ai* в тезаурусе акцентирует темы любви-благодарности, любви-милости, любви-поддержки; основными субъектами и объектами такой любви являются родители и дети, человечество, семья, братья и сестры, друг, сосед; а также вещи и явления (рубрики «Мания» и «Фан»). В свою очередь, словарная статья *кои* помимо пересечений с *ai*, о которых мы говорили выше, содержит такие ключевые слова, как *иро* в значении ‘чувственное наслаждение’, *ёкуи нэцу* в значении ‘страсть’, *вадзураи* — ‘беспокойство и трудности’, *хагэсий* — ‘бурный, рьяный, ожесточенный’ и др. Если проверить в рамках тезауруса отсылки к данным понятиям в других рубриках, то отсылка к *ai* встречается в перечне эмоций (в ряду радость-гнев-печаль); в рубрике «Достоинство» как композит слова *дзинъаи* — ‘доброжелательность, человеколюбие’; а отсылки к *кои* обнаруживаются в следующих рубриках: «Дэ:то» ‘свидание’ (например, как составляющая сочетания *кинугину вакарэ* — ‘расставание любовников после ночи, проведенной вместе’), *коиута* — ‘любовные песни и поэтика’ (как составляющая выражений *несбывшаяся любовь, потерянная, не взаимная любовь*), *энбун* — ‘скандальные новости’ и т. д.

Показательны также результаты сравнения самых частотных предикатов, аргументами которых в изученных словарных статьях являются *ai* и *кои*: у *ai* это *адзивау* — ‘вкушать, почувствовать, смаковать’; *канау* — ‘осуществиться, сбыться’; *ёрокобу* — ‘радоваться’; у *кои* это *сибирэру* — ‘онеметь, затечь, быть парализованным’; *ситау* — ‘тосковать, скучать’; *хорэру* — ‘влюбиться, очароваться’; *маиру* — ‘души не чаять’, *моэру* — ‘гореть, пылать’, *нобосэру* — ‘потерять голову’, а также варианты глагола *влюбиться*, которые также содержат сему физического воздействия: *мутю:ни нару* — ‘потерять голову’; *кои ни отиру* — ‘рухнуть, упасть’; *кои ни ябурэру* — ‘сломаться, разрушиться’. То есть, семантика соответствующих предикатов демонстрирует различие в природе любви: ведущую духовную составляющую у *ai* и плотскую составляющую, часто выражаемую предикатами физического воздействия, у *кои*.

Инвентарь предикатов физического воздействия, в актантную структуру которых входит лексема *кои*, широк: помимо упомянутых выше глагольных форм *хику* — ‘тянуть’, *тикадзукитай* — ‘хочу приблизиться’, *докусэн ситай* — ‘хочу монополизировать, полностью завладеть’ (с компонентом *симэру* — ‘покрывать, завоевать территорию’), *ко: гэки суру* — ‘атаковать’ и др., в словарных расширенных дефинициях данного понятия любви как страсти встречаются такие выражения, как *тэ ни асэ о каку* — ‘руки потеют’, *акамэн суру* — ‘лицо краснеет’, *сицукоку оикакэру* — ‘навязчиво преследовать’ и др.; интересно, что в словарной статье, описывающей *ai*, встречается единственный предикат ярко выраженного физического воздействия *цурануку* — ‘пронзить’, но в отрицательном контексте ОН употребляется как буддийский термин, который имеет негативную коннотацию, а именно: нежелательное, избыточное проявление страсти, обременяющей человека ненужными привязанностями.

Таким образом, путем лексикографического анализа были выявлены три основных семантических доминанты, отличающие *ai* от *koi*: во-первых, противопоставление духовной и телесной составляющих; во-вторых, разная степень выраженности физического воздействия на участников ситуации; в-третьих, наличие или отсутствие негативной коннотации. В следующем разделе с помощью корпусных методов исследования будет рассмотрено, как выделенные семантические характеристики влияют на распределение актантных ролей определяя особенности функционирования лексем со значением «любовь» в оригинальных и переводных японских текстах.

Результаты корпусного исследования и обсуждение

На первом этапе корпусной проверки³ были выделены топ-10 предикатов, аргументами которых являются две рассматриваемые лексемы на синтаксической позиции субъекта высказывания. Было обнаружено, что для понятия *ai* это (в порядке убывания частотности): *нару* — ‘становиться’, *куру* — ‘приходить’, *афурэру* — ‘разлиться’, *умарэру* — ‘родиться’, *кандзиру* — ‘чувствовать’, *сосогу* — ‘влияться, вкладывать’, *фукамару* — ‘углубляться’, *суку* — ‘спасать’, *цутавару* — ‘передаваться’, *тариру* — ‘быть достаточным’. Все перечисленные глаголы имеют позитивную направленность: *любовь* в общечеловеческом смысле заполняет человеческую душу, ощущается, передается, становится глубже и т. д. Единственным переходным предикатом в данном списке является глагол *сукуу* — ‘спасать’, который, даже будучи высокоагентивным предикатом, влияет на человека в исключительно положительном смысле: *любовь спасает*.

Топ-10 предикатов, центральным субъектным аргументом которых является *koi* как любовь-страсть, также показательна. Перечислим их в порядке убывания частотности: *минору* — ‘осуществляться’, *овару* — ‘заканчиваться’, *хадзимару* — ‘начинаться’, *дзё:дзю суру* — ‘выполняться’, *нару* — ‘становиться’, *канау* — ‘сбываться’, *самэру* ‘остыть, охладиться’, *симау* (вспом. глаг.) имеет оттенок нежелательности результата или необратимых последствий свершившегося основного действия, *мэбаэру* — ‘прорасти’, *умарэру* — ‘рождаться’. Здесь тоже прослеживается закономерность, совпадающая с результатами лексикографического анализа: выделенные глагольные предикаты, во-первых, больше связаны с реальными действиями или с физическим воздействием, которые в том числе описываются с использованием температурных метафор; во-вторых, наблюдается несколько предикатов с отрицательным значением, описывающих охлаждение чувств и окончание любовных отношений.

Показательно, что в случае занятия лексемами *ai* и *koi* дативно оформленной синтаксической позиции и принятия ими семантических ролей цели (куда?) или причины (из-за чего?) самые частотные предикаты соответственно подтверждают полученные выше результаты — позитивно окрашенные глагольные лексемы для *ai*: *митиру* — ‘быть наполненным’, *афурэру* — ‘быть переполненным’, *цуцуму* — ‘окутать, обернуть’; и отрицательно окрашенные для *koi*: *отиру* — ‘упасть, обрушиться’, *симау* — ‘окончить, тж. вспом. знач. оттенка нежелательности результата или необратимых последствий свершившегося основного действия, *наяму* — ‘страдать, мучиться’.

³ Языковые данные, если не указана ссылка на источник из авторского параллельного корпуса, взяты из описанного выше веб-корпуса Tsukuba (TWC), разработанного совместно Национальным институтом японского языка и лингвистики (NINJAL) и Институтом языка Лаго: NINJAL-LWP for Tsukuba Web Corpus <https://nlb.ninjal.ac.jp>.

Анализ функционирования рассматриваемых лексем на позиции прямого объекта не входил в задачи данного исследования, но в общих рамках изучения особенностей актантного распределения ролей было решено проверить сочетаемость данных лексем с одной из самых частотных глагольных единиц японского языка — вербализатором *суру* — ‘делать’. Обнаружилось следующее: сочетание *кои о суру* — ‘заниматься любовью’ (досл. *делать любовь*) по показателю частотности возглавило перечень аккузативно оформленных актантов и составило 52,6 % от их общего количества; а расчет такого же показателя с *аи* дал несравнимо меньший показатель — 2,1 %, что еще раз подчеркивает справедливость вывода о духовной, родственной, общечеловеческой направленности *аи* как любви-привязанности и плотской направленности *кои* как любви-страсти.

На втором этапе корпусной проверки мы обратились к данным русско-японского параллельного корпуса художественных текстов для проверки сформулированных выше положений о противопоставлении духовной и телесной составляющих, степени выраженности физического воздействия и наличии негативной коннотации в семной структуре лексем *аи* и *кои*.

Сплошная выборка японских аналогов понятия «любовь» из произведения «Первая любовь» И.С. Тургенева позволила воссоздать расширенный контекст употребления, в рамках которого противопоставление двух лексем помогло разграничить области их значений. Так, в начале повести (не считая пролога, где употребляется *кои* как обозначение всего процесса, закончившегося весьма драматично), когда чувства у главного героя только зарождаются, во всех четырех японских переводах преимущественно употребляется лексема *аи* применительно к ближнему кругу героев, не связанных романтическими отношениями: по отношению к отцу, к лошади, к друзьям-сверстникам и т. д. Помимо этого, *аи* как компонент сложного слова входит в состав таких композитов, как *милость*, *любитель*, *комнатная собачка* и т. д. По мере разворачивания сюжета и разгорания чувств у главных героев, когда динамика развития событий усиливается описанием безответной любви, бессонных ночей, тайных обид, любовного соперничества и т. д., в японских текстах начинает появляться слово *кои*; таким образом, в японском представлении акцент смещается на чувственно-плотскую составляющую любви.

Показательно, что *кои* ни разу не употребляется главной героиней, в которую безответно влюблен младший ее по возрасту автор, в обращении к нему; это свидетельствует о покровительственном отношении, явно не соответствующем надеждам автора на романтическую любовь. При этом *кои* активно используется в описании чувств между героиней и взрослыми соперниками автора, отцом, в описании ее сомнений и мук выбора. Несмотря на то, что собственно авторские размышления по отношению к себе содержат лексему *кои*: *я влюблен, я люблю, во мне разгоралась любовь*, в диалогах с объектом своего поклонения он использует лексему *аи*.

Разница в употреблении *аи* и *кои* в других произведениях проявляется примерно в том же семантическом соотношении. *Аи* выбирается при передаче следующих исходных контекстов из русских произведений: когда речь идет о любви родственной — любовь князя Щербацкого к дочери Кити⁴: *любовь его к ней делала его прощательным*; любовь к жене и семье у

⁴ Анна Каренина, Л.Н. Толстой. В пер. Кимура Хироси 1961 г., Китамикадо Дзиро 1979 г., Накамура Тору 1989 г., Мотидзуки Тэцуо 2008 г.

Мармеладова⁵: *болезненная любовь к жене и семье*; любовь к брату у Авдотьи Раскольниковой⁵: случай, как нарочно, в первый раз показал ему Дуню в прекрасный момент любви и радости свидания с братом и др. Выбор лексемы *ai* типичен для обозначения любви в одном ряду с жалостью, например, по отношению к родственникам:⁶ *Любовь, любовь и еще раз любовь и жалость к нему руководили мною*; или с любезностью по отношению к посетителям: *а сначала любезность их меня удивила*.⁷ Показательны контексты, подчеркивающие, что *ai* — это любовь возвышенная, которая призвана оберегать и спасать: *любовь спасала Левина от отчаяния*⁴ или воскрешала Соню и Раскольникова (*их воскресила любовь*⁵); это любовь, которая хранит, спасает, делает лучше⁸; любовь, которая возрождает: *надеется, что любовь возродит его*.⁹ Такое же распределение наблюдается и при употреблении композитов, в состав которых входят соответствующие морфемы, например, *ai* в составе слов *аитяку* ‘привязанность, преданность’; *айдзё* как любовь в одном ряду с нежностью и т. д.: *Глубина неба, даль полей <...> трогали непонятной любовью и нежностью неизвестно к кому и чему*¹⁰ или умилением: *меня тем все больше охватывала нежность к ней, восхищение ею, благодарное умиление*.¹⁰ Если учитывать морфему *ai* как компонент прилагательного *каваи* и глагола *каваигару*, то показательны корпусные вхождения *буаисо на*, образованные с помощью отрицательного префикса *фу/бу* или *му* в составе слов с семей неприветливости, сухости, угрюмости: *встретила меня неприветливая темнота*¹⁰, *старик-слуга угрюмо посмотрел на меня*¹¹, *погода встретила меня неласково*¹², *сухость эта огорчила Кити*.¹³ В данных сочетаниях морфема *ai* выступает как компонент приветливости, отзывчивости (то есть, отрицается не страсть и вождление, как это могло бы быть при отрицании *кои*).

Встреченные в корпусе вхождения, содержащие *кои* в разных формах (глагольной, адъективной, адвербиальной), также подтверждают сформулированную выше тенденцию к расстановке соответствующих семантических акцентов: *любовь (кои) поразила нас мгновенно*.¹⁴ В этом примере показателен выбор предикатов японскими переводчиками: *сасицурануку* — ‘остро пронзить’, *отиру* — ‘рухнуть, упасть’, *ториконинару* — ‘стать рабом’, *мимау* — ‘постигать (обычно употребляется для обозначения наступления несчастья, нежелательного события)’, *осоикакару* — ‘навалиться, охватить’, *осоу* — ‘обуять, поразить’. Другие примеры с *кои* также показывают и сложность любовного чувства, и включение семы физического воздействия: *Её постоянные мечты о счастье и любви истомили ее*.¹⁵

Показателен второй компонент сложного глагола *когарэру* — ‘страстно томиться, сгорать’; *она влюбилась в несчастного Кукина*¹⁶; *любовь унесла в другой мир*¹², *огонь*

⁵ Преступление и наказание, Ф.М. Достоевский. В пер. Накамура Хакуё 1914 г., Ёнэгава Масао 1935 г., Кудо Сэйитиро 1961 г., Китагаки Нобуюки 1967 г., Камэяма Икуо 2009 г.

⁶ Время — ночь, Л. Петрушевская. В пер. Ёсиока Юки 1995 г.

⁷ Спи скорее, М.М. Зошенко. В пер. Кучка 2012 г.

⁸ Два капитана. В.А. Каверин. В пер. Г. Ирия 2012 г.

⁹ iPhuck10, В.О. Пелевин. В пер. Токай Акихиса 2018 г.

¹⁰ Жизнь Арсеньева, И.А. Бунин. В пер. Такаяма Акира 1975 г.

¹¹ Первая любовь, И.С. Тургенев. В пер. Сасаки Акира 1968 г.

¹² Чайка, А.П. Чехов. В пер. Хара Такуя 1960 г.

¹³ Анна Каренина, Л.Н. Толстой. В пер. Кимура Хириси 1961 г.

¹⁴ Мастер и Маргарита, М.А. Булгаков. В пер. Хоки Аяко 2000 г.

¹⁵ У знакомых, А.П. Чехов. В пер. Мацусита Ютака 2009 г.

¹⁶ Душечка, А.П. Чехов. В пер. Дзиндзай Киёси 1933 г., Мацусита Ютака 2009 г., Нумано Мицуюси 2014 г.

влюбленности покидал ее.¹⁷ Примеры с адъективной формой предиката *коисий*: *Вода манила ее после воздушной гонки*¹⁴, где предикат оформлен с помощью служебного слова *тамаранай* со значением ‘невыносимый, нестерпимый; острое желание’; или *Тихо ела его тоска по матери*¹⁸, где предикат *цунору* обозначает ‘усилиться, принять острый характер’.

Следующий пример побудил нас проанализировать функционирование лексем *аи* и *кои* в составе бенефактивных конструкций. Во всех японских коррелятах оригинального предложения *Ей бы такую любовь, которая захватила бы все ее существо, всю ее душу, разум, дала бы ей мысли, направление жизни* предикат *захватить* дополнен вспомогательным глаголом *курэру*: *хицуцукандэ курэру ё:на аи*¹⁹ — ‘схватила’, *хиссараттэ курэру ё:на аи*²⁰ — ‘похитила, унесла’, *торико ни ситэ курэру ё:на аи*²¹ — ‘поработила’. Выбор лексемы *аи* в качестве аргумента для таких высокоагентивных предикатов может быть обусловлен, с одной стороны, указанием на природу и направленность такого воздействия: не на *тело*, а на *душу, разум, мысли, направление жизни*; с другой стороны, сама героиня всячески стремится к этому. Кроме того, именно глагол направленности *курэру* смягчает действие предиката, обращая такое сильное воздействие во благо героини, которая мечтает о любви и не мыслит своего существования без нее. Как указывает И.И. Басс, в таких случаях «конструкция *-тэ/-дэ курэру* подчеркивает позитивное отношение бенефициантов <одушевленных участников ситуации — У.С.> к проявлениям субъектов в роли подлежащего (*солнце, день, лошадь, письмо, свидание*), а не сознательную направленность их действий в интересах бенефициантов» [9, с. 166]. Н.А. Соломкина также отмечает, что в описании японских бенефактивных конструкций «ведущую роль играет не иерархия лиц, а иерархия психологической близости, способности к отождествлению с говорящим», которая «зависит от совокупности факторов и плохо поддается формализации» [10, с. 194–195]. Дальнейшая проверка параллельных примеров подтвердила, что соответствующие составные предикаты действительно подчеркивают общую положительную направленность действия, например: *Любовь юная, прелестная, поэтическая, уносящая в мир грез*²²; при разности основных предикатов все они сопровождаются вспомогательным *курэру*.

Данные результаты были проанализированы и на материале корпуса японского языка²³, использованного на первом этапе корпусной проверки. Обнаружилось, что при сравнительно небольшом абсолютном количестве вхождений *курэру* в случае субъектной позиции лексемы *аи* (35 вхождений из 4 918, что составляет 0,007 %) расширенный контекстный анализ употреблений подтверждает бенефактивную направленность высказываний. Любовь согревает сердца: *ягатэ фукаи аи га кокоро о атамамэтэ курэру* — *в итоге любовь согрела сердца*; любовь делает человека счастливым: *Карэ но аи га ватаси о сивасэ ни ситэ курэта* о *утау* — *Поют «Его любовь сделала меня счастливым»*; любовь поддерживает: *иронна хито но аи га ватаси о сасатэ курэтэ иру* → *Меня поддерживает любовь многих людей*; любовь дает силы и приводит помощников: *соно аи га токи <...> ни нава: о атаэтэ курэ, сара ни ва, аната но сиэнся о ёбиэстэ курэру но дэс-эта любовь иногда дает вам силу <...> и даже приводит к вам помощников*.

¹⁷ Сонечка, Л. Улицкая. В пер. Нумано Кёко 2007 г.

¹⁸ На золотом крыльце сидели, Т.Н. Толстая. В пер. Нумано Кёко 1995 г.

¹⁹ Душечка, А.П. Чехов. В пер. Дзиндзай Киёси 1933 г.

²⁰ Душечка, А.П. Чехов. В пер. Мацусита Ютака 2009 г.

²¹ Душечка, А.П. Чехов. В пер. Нумано Мицуюси 2014 г.

²² Чайка, А.П. Чехов. В пер. Ура масахару 2010 г.

²³ Веб-корпус Tsukuba (TWC), разработанный совместно Национальным институтом японского языка и лингвистики (NINJAL) и Институтом языка Лаго: NINJAL-LWP for Tsukuba Web Corpus <https://nlb.ninjal.ac.jp>.

В отношении данного показателя показательна разница с *кои*: в контексте описанной выше способности данной лексемы выражать негативный оттенок любви логично было предположить, что бенефактивные отношения с участием *кои* как субъекта встретятся в корпусе реже. Это и подтвердилось: из 2 049 вхождений *кои* на субъектной позиции обнаружилось только 3 предложения с *курэру*, расширенный контекстный анализ которых показал отсутствие ярко выраженного позитивного результата: два из трех вхождений встречаются в тексте гаданий, например: *аната но коиуммэй но кои га аната ни атаэтэ курэру моно* → <мы расскажем вам о том,> что даст вам ваша роковая любовь; *соно уммэй но кои ва аната о донна фу: ни каэтэ курэру* → как эта роковая любовь изменит тебя?; третье вхождение нейтрально с точки зрения оценки воздействия: *Кои ва дарэ даттэ сюдзинко: ни ситэ курэру* → Любовь любого человека превращает в главного персонажа истории. Помимо подтверждения положений, сформулированных в теоретической части данной работы, на материале такого относительно небольшого количества примеров можно сделать еще один предварительный вывод, что наличие эмотивного фактора в описании ситуаций выгодоприобретения усиливает вероятность допуска неодушевленного субъекта на позицию бенефактора в японском языке.

Работа над решением основной задачи исследования также высветила еще одну примечательную тенденцию в распределении переводческих решений: в ходе корпусного анализа была обнаружена разница в подходах к выбору японских аналогов слова *любовь* у переводчиков мужского и женского пола. Получение дополнительной информации о вариативности или схожести переводческих решений по не заданному ранее критерию (полу переводчика) стало возможным благодаря тому, что корпусный материал обладает эмерджентностью как свойством непрогнозируемого выделения признаков, которые трудно предсказуемы или вовсе невыводимы из языковых данных, не связанных параллельностью текстового материала (подробнее о теоретическом обосновании эмерджентности и примерах реализации данного свойства на материале языковых данных см. в [7]). В ходе данного исследования подобные эмерджентные характеристики совокупности больших языковых данных позволили обнаружить и первично проанализировать роль гендерного фактора в принятии переводческих решений.

Так, в разговоре о первой любви один из героев признается: *В моей первой любви тоже не много занимательного; я ни в кого не влюблялся до знакомства с Анной Ивановной* — в данном контексте переводчица Нумано Кёко (автор единственного на сегодняшний день перевода данного произведения, выполненного женщиной) сочла необходимым усилить значимость любви к жене подчеркиванием, что ранее у данного собеседника не случилось не просто *кои* — любви как предмета обсуждения (этот простой вариант в виде одноморфемной лексемы выбрали три других переводчика-мужчины), а *коирасий кои о сита кото га накатта*, что примерно передает оттенок ‘мне не приходилось испытывать такую любовь, которая была бы похожа на настоящую любовь’, что указывает на возможную градацию в понимании интенсивности данного чувства у мужчин и женщин. Кроме этого, Нумано Кёко оказалась единственным переводчиком из четырех, кто передал оттенок милости, нежности в описании *первых умилений любви* в следующем контексте: *О, кроткие чувства, мягкие звуки, доброта и утихание тронутой души, тающая радость первых умилений любви*. Переводчица смягчила резкость и страстность, входящих в семантику лексемы, путем включения в данное слово составного компонента *аи*, одной из ключевых сем которой, как было описано выше, является возвышенность чувства и лишение его плотской составляющей. Напротив, трое переводчиков-мужчин выбрали японский вариант *кои*, причем в одном из переводов²⁴ общее впечатление было усилено еще и интенсифицированным пониманием слова *умиление* с помощью слова

²⁴ Первая любовь, И.С. Тургенев И.С. В пер. Ёнэкава Масао 1933 г.

кангэки, в котором вторая морфема *гэки/хагэсуй* имеет значение ‘бурный, страстный, рьяный’, что входит в противоречие с семой милости. Данное расхождение тоже может быть связано с разностью в понимании эмоциональной составляющей любовного чувства, обусловленной гендерными особенностями восприятия любви. И наконец, третье показательное расхождение обнаружилось в выборе японского аналога для понятия *страсть*: сильное, непреодолимое чувство как выбор мужчин-переводчиков (*кё:аи*²⁴ ‘сумасшедшая любовь’, включающую выраженную сему сумасшествия *кё:/куруу* — ‘сходить с ума’, и *дзё:нэцу*²⁵ — ‘страсть’ как сочетание морфем *горячий* и *чувство*); и сравнительно более мягкий вариант страсти *ацуи рэнсин* — ‘горячая любовь’ за счет включения компонента *син/кокоро* — ‘душа, сердце’ в женском варианте. Выбор переводчиков может быть связан и с другими факторами, иными их личностными предпочтениями, но выраженная разница переводческих решений в данных случаях, когда трое мужчин выбирают один вариант, одна женщина — другой, в масштабе корпуса могут все же свидетельствовать о наличии здесь некоторой тенденции и, несомненно, требуют дальнейшего изучения.

Заключение

Итак, комплексный анализ позволил системно рассмотреть семантические и синтаксические особенности функционирования нескольких японских языковых единиц со значением «любовь», а также уточнить и дополнить их семную структуру. Полученные выводы вносят вклад в определение устойчивых когнитивных структур японского языкового сознания, т. к. показывают результаты анализа обобщенного типизированного лингвистического опыта носителей японского языка. Путем лексикографического анализа были выделены три семантических доминанты, уточняющие семантику двух основных японских лексем со значением «любовь» *аи* и *кои*: противопоставление духовной и телесной составляющих в семной структуре соответствующих единиц, а также наличие семы физического воздействия и негативной коннотации у лексемы *кои*.

Корпусные данные, собранные из оригинальных и переводных японских текстов, подтвердили данные положения. Результаты количественных подсчетов в совокупности с расширенным контекстным анализом встреченных в корпусе примеров показали, что лексема *аи* воспринимается в японском языковом сознании как любовь-привязанность, имеет широкий круг адресатов и положительную коннотацию. Значение лексемы *кои* можно передать как любовь-страсть, в её структуре акцентируются семы чувственного и плотского наслаждения, сильного влечения, эгоцентричности, физического воздействия. Помимо этого, в работе был затронут вопрос о важности эмотивного фактора в описании ситуаций выгодоприобретения в высказываниях, где лексема «любовь» занимает субъектную позицию, которые также подтвердили выделенные тенденции. Обнаруженные в корпусе значимые расхождения в принятии переводческих решений переводчиками разного пола первично показали расхождения в когнитивных представлениях об интенсивности описываемого чувства у переводчиков мужского и женского пола и позволили обозначить направления дальнейшего исследования семантического поля «любовь» в японском языке.

²⁴ Первая любовь, И.С. Тургенев И.С. В пер. Дзиндзай Киёси 1952 г.

Первая любовь, И.С. Тургенев И.С. В пер. Сасаки Акира 1968 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. О стыде и совести // Логический анализ языка: Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 54–78.
2. Kindaichi H. The Japanese language. Tokyo: Charles E. Tuttle Company, 1978. 295 p.
3. Яманэ Х. Рэнъаи о мэгуттэ. Мэйдзи нидзюнэндай но сэкусюарити [О любви. Сексуальность в 20-е годы Мэйдзи] // Рицумэйкан гэнго бунка кэнкю. 2007. № 19(4). С. 315–332. (на яп.яз.)
4. Сато Ю. Аи то кои то но тигаи но ва? [В чем разница между любовью и любовью?] // Тоё Кэйдзай. 2022. 13 марта. <https://toyokeizai.net/articles/-/452660> (дата обращения 10.12.2023) (на яп. яз.).
5. Суэмацу Х. «Кои но дзёнэнрон»: сэй но кигорон но кокороми [«Страстная теория любви»: попытка семиотики пола] // Бунгаку кэнкю: 1997. № 94. С. 57–95. (на яп. яз.).
6. Майнард К.С. Кои суру футари но «Кандзё котоба» [Язык чувств влюбленных]. Токио: Курошио, 2001. 320 с. (на яп. яз.).
7. Стрижак У.П. Эпистемологический потенциал переводных текстов (на материале русско-японского параллельного корпуса художественных произведений) // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2023. № 1. С. 93–109. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-93-109.
8. Ямагути Т. Нихонго дайсисо: расу [Большой тезаурус японского языка]. Токио: Тайсюкан, 2003. 1549 с. (на яп. яз.).
9. Басс И.И. Бенефактивные конструкции в японском языке // Вестник РУДН, серия «Лингвистика», 2014. № 2. С. 159–168.
10. Соломкина Н.А. Японские бенефактивные конструкции и категория инверсива // Acta Linguistica Petropolitana. 2021. Vol. 17.2. P. 184–204 DOI 10.30842/alp23065737172184204.

Strizhak Uliana Petrovna

National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia

E-mail: ustrizhak@hse.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4129-4485>

Cognitive basis of lexical choice: semantic and syntactic representation of the concept «love» in Japanese (corpus-based study)

Abstract. The article discusses the features of the semantic and syntactic representation of the concept «love» in the Japanese language. Using methods of lexicographic and corpus analysis, as well as extended contextual analysis of corpus units, the semantic structure of several nuclear units of this semantic field is clarified and supplemented. The results of the analysis of the generalized typified linguistic experience of Japanese native speakers help to determine their stable cognitive preferences when choosing words related to the concept «love». This paper was carried out on the material of several corpora, including data from the author's parallel Russian-Japanese corpus of fiction works, in which original sentences from fourteen Russian fiction texts and their Japanese correlates are documented and syntactically annotated. The study reveals three main semantic dominants that characterize various lexemes included in the semantic field «love»: the opposition of spiritual and physical components; varying degrees of severity of physical and emotional impact on the participants in the situation; the presence or absence of negative connotations in the semantic structure of lexemes. In the practical part of the work, based on the corpus research methods, it is clarified how the selected semantic characteristics influence the distribution of actant roles and determine the peculiarities of the functioning of lexemes with the meaning «love» in original and translated Japanese texts. Besides, this paper analyzes cases of the use of lexemes with the meaning «love» of the subject position in the beneficial constructions, and also raises the issue of the possibility of gender analysis of parallel Russian-Japanese texts.

Keywords: semantics; syntactics; love; Japanese language; cognitive basis; parallel corpora